

РЕЦЕНЗИИ

М. Черняк

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ УЧЕБНИК ДЛЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ, ИЛИ «ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА» КАК «РАБОТА НАД ОШИБКАМИ»

Статья посвящена книге «Литературная матрица», написанной современными писателями и представляющей собой современное прочтение классической литературы, изучаемой в школе.

Ключевые слова: классическая литература, современная литература, читательская компетенция, учебник по литературе

Дефицит читательской компетенции, масштабное отторжение современным читателем классики связано во многом с определенной культурной аллергией на школьный курс литературы. Система подмен, подделок и переделок, симулякров, клонов, пересказов и адаптаций, захлестнувшая прозу рубежа XX–XXI вв., свидетельствует об отказе от построения особой литературной реальности. Классика «золотого века» является для современной российской литературы своеобразным резервуаром, откуда она черпает мотивы, сюжеты, темы, постоянным и неиссякаемым источником национальной мифологии. Достаточно перечислить несколько произведений последних лет, чтобы убедиться в том, что диалог с классическим текстом начинается уже с заглавия: М. Угаров «Облом off», О. Богаев «Башмачкин», В. Леванов «Смерть Фирса», Б. Акунин «Чайка», А. Слаповский «Вишневый садик», Л. Улицкая «Русское варенье», Н. Садур «Зовите Печориным», А. Королев «Дама пик», Я. Веров «Господин Чичиков» и мн. др.

Мы вступаем в эпоху Web 2.0, в условиях которой придется учиться жить и писателю, и читателю. С технологической точки зрения Web 2.0 — это массовые сервисы, дающие пользователям возможность самостоятельно производить контент (дневники, статьи, сборники ссылок и т. д.) и позволяющие создавать сообщества, социальные сети, коллективные блоги и т. д. Идея «коллективного разума», наглядно воплощенная, например, в онлайн-овых

библиотеках и социальных сетях, затронула не просто методы создания веб-сайтов, но сами основы человеческой цивилизации, поставив под угрозу традиционные культурные ценности. В связи с этим стали так популярны сегодня разговоры о создании неких «читательских списков», призванных сохранить исчезающий и изменяющийся на глазах культурных код. Так, например, широкую дискуссию в экспертной среде вызвало предложение В. Путина сформировать список из 100 книг, определяющих отечественный «культурный канон», которые должен прочитать каждый выпускник школы. Споры прежде всего ведутся вокруг критериев отбора этих 100 книг. Ведь разнообразными списками «по интересам», составляемыми различными читательскими сообществами, пестрит интернет. Так, на одном из ресурсов есть сообщество «Дочитатьсь до Апокалипсиса: книжный вызов 2012» (<http://www.diary.ru/~challeng999/?oam&from=240>), в котором люди составляют примерный список книг, которые собираются прочитать за текущий год.

Последние годы не смолкают дискуссии о смерти читателя, об утрате литературоцентризма в обществе, о ЕГЭ по литературе и о статусе этого школьного предмета. Недавно на одном из литпорталов была опубликована любопытная информация: «когда тульским школьникам предложили подчеркнуть в анкете слово, характеризующее их отношение к великим русским писателям (“читал” — “не читал”, “понравилось” — “не понравилось”), то более 40 % вписали не предусмотренное опросником “ненавижу”...» [Кудимова 2010].

Нельзя не согласиться с Андреем Битовым, полагающим, что «важно научить читать, а не проходить литературу. Проходить литературу нельзя, ее проходит каждый сам внутри себя». Поэтому можно утверждать, что появление «Литературной матрицы» было продиктовано нашим временем.

В чем же своеобразие этого литературного проекта? Это действительно необычный «учебник», который журналисты сразу же назвали «альтернативным». В нем о каждом русском классике, включенном в школьную программу по литературе (это было принципиально), пишет современный писатель. В предисловии к изданию составители В. Левенталь, С. Друговейко-Должанская и П. Крусанов отмечают:

Необходимо разрушить самый стойкий предрассудок: будто бы чтение хорошей литературы — это такое уж безусловное удовольствие. Стоит признаться, что даже маленькая порция пломбира явно способна доставить куда более очевидное удовольствие, нежели многочасовое погружение в какие-нибудь там «Мертвые души». Ведь читать гораздо труднее, чем просто душно облизывать пломбирный шарик?

Прочитать вместе со школьниками или *перечитать вместе* с учителями-словесниками и всеми, кто любит русскую литературу, тексты, с помощью которых можно многое понять про нас сегодняшних, — цель авторов книги. «Авторы сборника — “простые читатели”, ... но, будучи сами писателями, они в силу устройства своего ума способны заметить в книгах своих почивших в бозе коллег нечто большее, нечто более глубинное, нежели обнаружит самый искушенный филолог», — говорится в предисловии к двухтомнику. Критик Наталия Иванова справедливо назвала этот проект групповым явлением и коллективным протестом «против того унижительного положения, в которое поставлена литература. Это реакция на отмену выпускных экзаменационных сочинений в средней школе» [Иванова 2011].

Уникальность книги очевидна — это, действительно, живая книга об отечественной словесности, рожденная в живом и непосредственном диалоге с активными и яркими представителями современного литературного процесса XXI в. Наши современники (каждый по-своему) строят своеобразные мосты между русской классикой и новейшей литературой. В явной субъективности точек зрения на классические имена есть особая привлекательность: писатели, каждый из которых сам по себе яркая творческая личность, неожиданным и нестандартным прочтением зачастую провоцируют читателя, заставляя его по-новому воспринять классический текст. Пушкин глазами Петрушевской, Лермонтов глазами Битова, Горький глазами Быкова и т. д. — это яркий пример диалога веков, культур, эстетических систем, взглядов на прошлое и настоящее России, на вечные вопросы быта и бытия.

40 современных писателей были приглашены петербургским издательством «Лимбус-пресс» для реализации этого проекта (автор идеи — Вадим Левенталь). Сразу возникает вопрос о выборе авторов (ведь современных писателей значительно больше) и о том, как, в свою очередь, писатели выбирали «своего» классика. Павел Крусанов, главный редактор издательства «Лимбус-пресс», сказал на презентации издания:

Это была необычная идея, чтобы современные российские писатели — не детективщики, не сочинители любовных романов, а те, кто входит в шорт- и лонг-листы серьезных литературных премий, — писали бы о классиках. Таким образом, представлены два слоя, два среза русской литературы, классика и современность, и здесь есть возможность пересечения и появления новых смыслов.

Конечно, по разным причинам не все соглашались и не все могли принять участие в проекте. Постепенно сужался и круг «классиков»

для выбора. Так, например, Андрей Мелихов рассказал, что его попросили написать статью про Некрасова, чтобы в какой-то степени «уравновесить» статью Майи Кучерской, в которой явно звучит критическое отношение к поэту:

Вдохновенный певец тоски и смерти, эклектик, то и дело проваливающийся в полную безвкусицу, двоечник, недоучка, не знавший ни одного иностранного языка... Вместе с тем обладатель изумительного музыкального поэтического слуха и чувства ритма, соединивший музыку и слово задолго до того, как была высказана идея синтеза искусств. Умный и удачливый организатор литературного процесса, тонко чующий конъюнктуру, культуртрегер по призванию. Таков Некрасов.

«Для кого вообще эта книга?» — задает риторический вопрос Вадим Левенталь. — Уж конечно, не для тех, кто ковыряет в носу на уроках литературы, кто прочитал и заучил, что Тургенев замечательно описывал русскую природу, оттарабанил это на уроке и остался доволен. Такому товарищу достаточно стандартного учебника, если товарища вообще удастся заставить его прочитать. Однако для школьников, которые литературой действительно заражены, если какая-то книга вообще и может быть учебником, то только такая, как «Литературная матрица». Я, например, прекрасно помню, как меня тошнило от учебников по литературе в девятом классе и как в десятом нам сказали, чтобы мы не смели этот учебник вообще брать в руки» [Левенталь 2011]. Однако многие оппоненты «Матрицы» говорили о том, что сама идея книги не такая уж и новая. Подобные эксперименты предпринимались во Франции, да и практически в каждом поколении русских писателей были попытки своего, *личного* прочтения своих предшественников, причем, попытки иногда очень яркие, ставшие позже классическими. «На фоне Пушкина — есть это уже у наших классиков. Гоголь — о Пушкине. Достоевский — о Толстом. Тургенев — о Шекспире, о русском Гамлете. <...> И все русские писатели — отдельным томом! — от Гоголя до Ахматовой, Цветаевой, Битова, Петрушевской, — разумеется, через Хармса, — о Пушкине», — перечисляет Н. Иванова [Иванова 2011].

С. Друговейко-Должанская, редактор двухтомника, мечтающая о думающем читателе, призналась в одном из интервью: «самому старательному читателю неизбежно уготована участь пушкинского героя, который *отрядом книг уставил полку, / Читал, читал, а все без толку: / Там скука, там обман иль бред; / В том совести, в том смысла нет; / На всех различные вериги; / И устарела старина...*». Читать не «без толку» можно лишь в том случае, когда понимаешь, что «старым бредит новизна» [Друговейко-Должанская 2011].

Учитывая, что любое литературное произведение не существует без читателя, уместно вспомнить замечательные слова критика начала XX в. А. Горнфельда о том, что «каждый новый читатель “Гамлета” есть как бы его новый автор», каждое поколение создает свою историю литературы, прочитывает классику глазами своей эпохи. В связи с этим, безусловно, возникает вопрос о субъективности каждого нового прочтения. «Возможно, сегодняшнему читателю нужна не стройная концепция, а мозаика, хаос, из которого он сам смог бы сконструировать свою собственную русскую литературу, — подобно мозаике “Литературной матрицы”», — полагает современный критик [Угольников 2011]. Этот хаос создается зачастую особым приемом «наложения»: язык и понятия современной молодежи активно используется при разговоре о классическом тексте. Так, Евгений Мякишев объявляет Заболоцкого «Dj-ем», Татьяна Москвина Островского — «логокомпозитором», Андрей Левкин Тургенева — «литературным менеджером», Сергей Болмат Чернышевского — «первым популистом» и т. д. Молодой критик Е. Погорелая, во многом критически отнесшаяся к «Литературной матрице», признает, что больше всего удалась статья там, где прошлое поверяется современностью, а классический текст прочитывается авторами как объяснение текущего дня, часто — как предисловие к *новому времени*. Поэтому книга вполне может быть использована молодым читателем в «качестве пособия по моделированию ситуаций, которые могли бы приблизить классический текст к повседневности, проясняя школьникам как характер литературных героев, так и актуальность событий, происходящих *здесь и сейчас* и во все времена. В данном случае незаменимым становится “грибоедовское” эссе Шаргунова, сближающее “комедию нравов” с котирующейся среди школьников зарубежной литературой, а образы русского поколения “новых людей” — с представителями “золотой молодежи”, втихую диссидентствующими в университетах, влюбленными, расстающимися, ищущими пути в современной действительности» [Погорелая 2011].

Н. Гоголь глазами петербургского философа Александра Секацкого, Л. Толстой, прочитанный Валерием Поповым, И. Бунин в интерпретации Александра Кабакова или И. Гончаров, представленный Михаилом Шишкиным, — это всё многочисленные и зачастую противоречивые ракурсы этого нестандартного пособия. Безусловно, одним из самых частых вопросов при широком обсуждении этой книги был выбор авторов статьей. Так, например, Л.

Данилкин, иронически спрашивал: «Правда ли, что для того, чтобы обратиться к Есенину, нужен в качестве посредника Садулаев? А для Пушкина — Петрушевская? А для Маяковского — В. Тучков? С какой стати?» [Данилкин 2011]. Есть, конечно, и точные попадания. Так, например, представитель «нового реализма» начала XXI в. Роман Сенчин рассказывает о явно очень близком для себя авторе — реалисте начала XX в. Леониде Андрееве, полагая, что «история, как известно, развивается не линейно, и многое из того, о чем писал Леонид Андреев век назад, к сожалению, повторяется, и, к счастью, мы многому, благодаря его книгам, можем научиться, многое предотвратить». А Ольга Славникова, вошедшая в литературу романом «Один в зеркале», в котором явно угадывались мотивы набоковской «Лолиты», с огромной любовью пишет именно нем:

У читателя, <...> открывающего книгу Владимира Набокова, может сильно закружиться голова. Фраза, начавшись году в 1910-м под Петербургом, завершается в Берлине, в середине тридцатых годов. Фраза держит на себе столько метафор и смыслов, точно грамматическая конструкция ее сделана из титана. «Зачем все это? — спросит балбес, которого от Набокова загощило. — Разве нельзя проще?» Извините, нельзя [Славникова 2010].

Сегодня, когда происходит «инфляция классики», классическое наследие по-разному встраивается в новую сеть отношений. Однако классика, являясь центральным компонентом культуры, задает общую систему координат, играет роль своеобразного горизонта, к которому устремлены взгляды современных писателей; она оказывается всеобщим коммуникационным кодом в литературе, универсальным языком, понятным для людей разных эпох. Авторы «Литературной матрицы» могли бы, наверное, подписаться под словами Петра Вайля и Александра Гениса: «Классика — универсальный язык, основанный на абсолютных ценностях. Русская литература золотого XIX в. стала нерасчленимым единством, некоей типологической общностью, перед которой отступают различия между отдельными писателями» [Вайль, Генис 1999, с. 5].

По мнению социолога литературы Бориса Дубина, в школе «классические произведения включаются в процессы общей социализации — усвоения норм правильного поведения», но при этом, как показывают эмпирические исследования, «школьные программы по литературе, включающие на нынешнем этапе не более 1 % всей наличной словесности, приходят во все большее противоречие с реальными ориентациями и кругом чтения подростков и молодежи. Содержательное опустошение понятия классики для читателей,

отсутствие навыков интерпретации, подавляемых жестокой нормативностью суждений, приводят к тому, что рецепция образцов классической литературы приближается к восприятию развлекательной словесности» [Дубин 2010, с. 39]. Вот два недавних ответа девятиклассников (кстати, мало удивляющих учителей-словесников) на вопрос о том, чем заканчивается роман в стихах «Евгений Онегин»: «Татьяна бросилась под поезд, так как ее оставил муж», «Онегин убил Татьяну».

Критик Виктор Топоров иронически воспринял «Литературную матрицу» как сорок два примера того, как надо отвечать на университетском экзамене. Прочитав «Матрицу», он выставил всем оценки:

Второй отвечает Людмила Петрушевская. У нее Пушкин. О котором что и сколько ни скажи, всё будет мало и всё неправда. Студентка под села к столу в шляпке; она волнуется, говорит путано и коряво. Чувствуется, что ей хочется спеть, но она не решается. И в общем-то понятно, почему не решается, — стихов Пушкина она наизусть не помнит. Зато помнит, что солнце русской поэзии убили. Что Дантес, отправляясь на дуэль, поддел кольчугу. Постепенно понимаешь, что к экзамену ее готовила запойная и забубенная подруга из числа бывших интеллигентных людей, — и говорит она на экзамене голосом этой подруги. Время — день. Даже, строго говоря, утро. Поэтому без колебаний ставлю Людмиле Стефановне отлично и отпускаю ее с миром. Да и подруга наверняка заждалась [Топоров 2010].

Эссе Петрушевской «О Пушкине», выложенное еще до выхода книги на OpenSpace, вызвало наибольшее количество противоречивых откликов. Так, критик Сергей Беляков возмущенно пишет: «Читатели дивились: ужель та самая Петрушевская? Не розыгрыш ли это? Кто-то предположил: пародия на советский учебник. Кто же пишет о художнике, не касаясь творчества, не цитируя ни строчки (эпиграммы не в счет), зато подробно пересказывая все слухи и сплетни? Только желтая пресса» [Беляков 2010]. Споры об эссе Петрушевской, безусловно, отсылают к другим спорам — о «Прогулках с Пушкиным» Абрама Терца (А. Синявского), начавшихся с провокационной фразы: «Пушкин вбежал в русскую литературу на тонких эротических ножках». Вообще, пушкинская мифология строилась на протяжении двух веков, «фундамент ее закладывал сам поэт при активном соучастии его друзей, недругов, братьев по музе и литературных противников. Каждое поколение затем создавало “своего” Пушкина, а всякий уважающий себя русский *homme de lettres* выдумывал нечто под названием “Мой Пушкин”, реализуя этот субъективный образ в стихах, прозе, статьях или в устных беседах. Все это теперь нельзя просто отбросить, все это невозможно игнорировать: сказанное и написанное о Пушкине стало

частью русской культуры, вросло в нашу жизнь и в наш язык», — справедливо считает писатель и критик Владимир Новиков [Новиков 1999]. Очевидно, что отталкиваясь именно от мифологического восприятия «нашего всего», и пишет о «своем Пушкине» Петрушевская. «Тронуть человека можно только жестким рассказом о страданиях другого человека. Но доказать никому ничего нельзя», — говорит писательница. И начинает рассказ о Пушкине с фразы: «Пушкин был великий поэт и несчастливый человек с предначертанной судьбой быть рано убитым». И пишет об этой трагической судьбе, основываясь, скорее, не на всем объеме современного знания о поэте, а на мифах и легендах о Пушкине.

Павел Крусанов признался, что идея учебника увлекла его своей провокативностью и авантюризмом. Важно, что учебник (да и учебник ли это в строгом понимании слова?) очень демократичен. Под одной обложкой соединились представители разных писательских поколений — от «живых классиков» (А. Битов, Л. Петрушевская) до молодых представителей «нового реализма» (С. Шаргунов, Г. Садулаев и др.). Читателю предоставлена прекрасная возможность, обращаясь к классическим текстам русской литературы, услышать голос современной литературы. При всей необъективности взглядов на классику перед нами объективная картина современной литературы во всей ее противоречивости, пестроте и дискуссионности.

Писатель Илья Бояшов считает, что главный адресат этого учебника — школьный учитель, который может использовать на уроках неожиданные, часто спорные мысли, которыми просто перенасыщен, как густой раствор, этот учебник. Книга написана так, чтобы с ней было удобно работать и школьникам, и учителям средней школы, и преподавателям и студентам вузов: каждая из глав относительно автономна, потому читатель получает возможность формировать собственный «маршрут» изучения курса. Татьяна Москвина (автор статьи об А. Н. Островском), назвав появление этой книги праздником на улице литературы, просто заявила, что «Литературная матрица» — «это шанс поумнеть. Это отличная пища для головы. Как сегодня заставить читать классику? Как ее вписать в наш, другой, яркий, по-другому говорящий мир? И вот выходят сорок человек и говорят хором (я это называю «логособорность») от имени настоящего о прошлом. В каждой статье дрожит личная нота».

Книга, состоящая из двух томов и более 1200 страниц, объединяющая, как уже говорилось, сорок писателей, каждый из которых имеет особый путь в литературе, априори не может быть ровной

и монолитной, она полифонична по своей сути. Иногда писатели намеренно провоцируют читателя. Так, например, писатель Сергей Шаргунов, ворвавшийся в литературу с молодежной повестью «Ура!», в статье о «Горе от ума» («Космическая карета, или Один день панка») исходит из того, что «подлинно свободная личность всегда одинока, но в случае Чацкого мы получаем максимальную заостренность одиночества. Поэтому эта пьеса так современна всегда». Чацкий Шаргунова — панк: «Или вы чувствуете себя настолько свободным, дорогой читатель, чтобы поддержать панка Чацкого? Лично я Чацкого люблю. И в школе любил. Недопонимал, а любил. И вы его полюбите, если сумеете. И даже если вы эту статью читать не стали и заглянули сейчас в концовку, все равно предлагаю вам набраться геройской отваги, и Чацкого полюбить». Но за этим вызовом и эпатажем очевиден глубинный интерес к Грибоедову, тонкость и точность анализа текста. Сергей Беляков, с предубеждением отнесшийся уже даже к названию статьи, пишет:

Вот теперь, прочитав эссе, я готов признать: да, Грибоедов — панк, а кто же еще? Более того, он, несомненно, марсианин. И в этом Шаргунов тоже прав. А еще Шаргунов и в самом деле попытался решить задачу, поставленную перед авторами учебника: побудить школьника и студента читать русских классиков так, как «читают их авторы этой книги, — не сдерживая слез, сжимая кулаки, хохоча и замирая от восторга, гневаясь и сходя с ума». Шаргунов рассказывает современному читателю, не всегда грамотному, часто ленивому и не слишком любопытному, о «солнечном» таланте Грибоедова и пьесе, «где каждая фраза — как глоток шампанского, колючий и головокружительный» [Беляков 2010].

Сергей Носов, тонкий и глубокий петербургский писатель, начинает свою главу о Достоевском с поиска того, что приближает его к классику:

В общем, я думал-думал и придумал, что меня с Достоевским связывает, и сразу как-то вздохнул свободно. Собственно, тут и думать долго не надо было, потому что речь идет о связи предельно формальной. Но — выразительной. Имею в виду место жительства. Так получилось, что я с рождения живу недалеко от Сенной площади. Есть такая в Санкт-Петербурге. А окрестности Сенной площади — самые что ни на есть «достоевские» места. Если кто не читал еще «Преступление и наказание», они там описаны. Да и сам Федор Михайлович Достоевский долгие годы жил поблизости.

Этот взгляд «по-соседски» на изученного вдоль и поперек Достоевского обеспечивает Носову совершенно неожиданные результаты. Вообще, для многих «сюжетов» «Литературной матрицы» свойственен мотив присвоения «классика», подобно тому, как делала это Марина Цветаева в «Моем Пушкине». Вот и Андрей Битов, начиная разговор о Лермонтове, пишет: «Все, что я напишу, я по-

стараюсь написать не столько о Лермонтове (что-то вам расскажет учитель, что-то написано в учебнике, что-то вы легко скачаете из Интернета). Сколько для Лермонтова. Ну, и для себя, конечно». Герман Садулаев, писатель совсем иного литературного поколения, пишет скорее не только про Есенина, сколько про глубоко личные секреты открытия своего поэта:

У нас дома на стенке висела досочка с портретом Сергея Есенина. Портрет был выжжен паяльником по дереву. На портрете Есенин был в профиль, с трубкой. В каждой четвертой советской семье был на стеночке точно такой же выжженный Сергей Есенин. И нос у него был рязанский, картошкой. Как и у меня. За это я Есенина особенно сильно уважал. Стало быть, не только с точным профилем можно стать великим поэтом! <...> Но дело было, конечно, не только в носе. Дело было в стихах. Стихи Есенина — главный его портрет, выжженный словом, по сердцу [Садулаев 2010].

Одним из ярких отличительных черт практически всех глав «матрицы» является то, что они рифмуются и перекликаются с творчеством их авторов.

Солжа любить невозможно. Все равно что любить будильник. Или микроволновку, бампер. Его сочинения невозможно пересказать перед сном, у костра или у экзаменационных дверей, хотя он «перепыхивал», по-нынешнему — «взрывал мозги», но теперь от ядерных и ядовитых взрывов «Архипелага ГУЛАГ» остались отблески на ночном небе, да и про те сомневаешься — не подкрашивает ли облака тепловыделительная деятельность очаковской ТЭЦ,

— начинает свою главу об А. Солженицыне писатель Андрей Терехов [Терехов 2010]. Казалось бы, эпатаж, вызов, развенчание гения. Да нет, это стиль жесткого, острого писателя-публициста, автора романа «Каменный мост», удостоенного в 2009 г. премии «Большая книга». Кстати, критики называют Терехова самым верным учеником Солженицына в современной литературе, поэтому его размышления о Солженицыне столь личные и столь болезненные. Он множит и множит вопросы, пытаясь понять, что потеряла русская литература, утратив свою «учительную миссию»: «Руслит просияла как церковь — со своим Христом (Пушкиным), апостолами, евангелистами, раскольниками, митрополитами, певцами в хоре, расколоучителями и юродивыми, а последний (Солж) числился в сторожах и носил на поясе золотой ключик от церковных ворот — куда делся ключик?».

Щедро рассыпаны по «Литературной матрице» неожиданные и глубокие интерпретации классических текстов. В этом ряду особое место, безусловно, занимает эссе Михаила Шишкина о романе «Обломов», который автор называет «великим русским триллером, в котором налицо преступление — русская нежизнь». Когда-то в

школьных учебниках обязательно приводили фразу И. С. Тургенева «Пока останется хоть один русский — до тех пор будут помнить Обломова». Действительно, этот роман как никакой другой вскрывает особенности русского менталитета. Шишкин исходит из того, что вся сила и непреходящая современность романа Гончарова в том, что это — своеобразный римейк русского инициационного мифа:

Раскручивая обломовскую спиральку ДНК, приходишь к главному богатырю древнерусского эпоса. Не находим ли мы абсурдно-комические черты гончаровского лежебоки в былинах об Илье Муромце, который первые 33 года своей жизни провел на лежанке, поплеывая в потолок. <...> Поколения «русских мальчиков» мучаются вопросом о смысле их жизни на замордованной то тираними, то свободой родине. Сформированное мифом сознание шепчет на ухо ответ: можно спать до тех пор, пока не появится высокая цель, ради которой стоит принести свою жизнь в жертву. Герой былины становится литературным отцом Обломова. Иван Гончаров называет своего персонажа Ильей Ильичом. Действие, а вернее, бездействие романа начинается с того, что герою 33 года и он их тоже проводит на лежанке.

Дмитрий Быков, автор статьи о Максиме Горьком, объяснил, что, так как уже несколько лет преподает в средней школе, ему было легко сделать текст интересным для подростков:

Что стоит читать у Горького? Условимся, что речь у нас не о программе, а о самообразовании, выборе для личного пользования; Горький — писатель полезный, в том смысле, что учит — как всегда и мечтал — деятельному отношению к жизни. Проповедь терпения он яростно отвергал как вредную в российских условиях. Горький мастерски вызывает отвращение, презрение, здоровую злобу — разумеется, у читателя, который вообще способен выдержать такую концентрацию ужасного. Это писатель не для слабонервных, но тем, кто через него прорвется, он способен дать мощный заряд силы, а пожалуй, что и надежды: все по его любимцу Ницше — «что меня не убивает, делает меня сильнее» [Быков 2010].

«Этот двухтомник — не игра в учебник, а именно что учебник по литературе, причем долгожданный, это я вам говорю как опытный педагог, — сказал Дмитрий Быков в интервью корреспонденту еженедельника «The New Times». — У нас в школах долгое время вообще не было ничего приличного, только либо нечто занудное, либо что-то очень претенциозное, и только в прошлом году появился хороший учебник Игоря Сухих из Петербурга. Но ни по эмигрантской, ни по постсоветской литературе пособий как не было, так и нет, так что двухтомник очень своевременен».

А главный редактор газеты «Литература» Сергей Волков, оценив «Литературную матрицу» как «остро авторскую», признался: «Для меня, как для учителя литературы, важно, чтобы на уроке была искра интереса. Из чего она будет высечена — дело второе. И писатели,

и ученые — все пойдет в дело, главное, пусть говорят толково и интересно» [Волков 2010].

«Литература подлинная дает человеку счастье. Она меняет систему ценностей: мир, пропущенный через призму художественного, радует больше, чем деньги, и, когда денег нет, остается с тобой. Подлинная литература защищает своего читателя от мерзостей жизни», — пишет Ольга Славникова. Для авторов книги принципиально именно такое отношение к литературе. Вспомним, что одним из значений слова «матрица» является следующее: «углубленная копия, снимаемая с набора на картоне, свинце, пластмассе и т. п., для отливки стереотипов, с которых производится печатание». На самом же деле, «Литературная матрица» в какой-то степени вручает читателю «охранную грамоту» от стереотипов, пошлости, штампов, готовых решений, потому что иногда в представленных текстах что-то раздражает, что-то вызывает яростное несогласие, что-то — удивление, что-то — настоящий восторг перед глубиной нового прочтения, но она радует возможностью *думать вместе* не только с классиками русской литературы, но и с писателями ХХI в. Не это ли главное в альтернативном учебнике?

Источники

Быков Д. Сам себе человек. Максим Горький (1868–1936) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/256180/read#t6> (дата обращения: 26. 06. 2012).

Садулаев Г. Словом по сердцу. Сергей Александрович Есенин (1895–1925) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/256180/read#t10> (дата обращения: 26.06.2012).

Славникова О. Дар Владимира Набокова. Владимир Владимирович Набоков (1899–1977) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/256180/read> (дата обращения: 26.06.2012).

Терехов А. Тайна золотого ключика. Александр Исаевич Солженицын (1918–2008) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/256180/read#t26> (дата обращения: 26.06.2012).

Исследования

Беляков С. Плоды просвещения // Частный корреспондент. 3 нояб. 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/plody_prosveshcheniya_20800 (дата обращения: 26.06.2012).

Вайль П., Генис А. Родная речь. М., 1999.

Данилкин Л. Прекрасный дилетантизм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.afisha.ru/book/1728/> (дата обращения: 23.08.2011).

Друговойко-Должанская С. «Для чего нужно читать?» уроки литературы должны быть не уроками словесности, но уроками нравственности: актуальное интервью // Частный корреспондент. 2010. 23 нояб. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/svetlana_drugovejko-dolzanskaya_dlya_chego_nuzhno_chitat_20946 (дата обращения: 26.06.2012).

Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки по литературе и культуре. М: Новое лит. обозрение, 2010.

Иванова Н. Цепь. Дуб. Котученый (современная словесность в зеркале русской классики) // Знамя. 2011 № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2011/1/iv15.html> (дата обращения: 26. 06. 2012).

Кудимова М. Пустыня реального // Лит. газ. 2010. 15 дек. (№ 51) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lgz.ru/article/14897/> (дата обращения: 23. 08. 2011).

Левенталь В. Лит-ра по-петрушевски [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saltt.ru/node/5018> (дата обращения: 23. 08. 2011).

Новиков В. Двадцать два мифа о Пушкине // Время и мы. 1999. № 143. С. 89–103.

Погорелая Е. О забытой недотыкомке. Как писать историю русской литературы // Вопр. литературы. 2011. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/po7.html> (дата обращения: 26. 06. 2012).

Сергей Волков: «“Матрицу” мы читаем ради субъективности» // Time Out. Москва. № 43 / 1–7 нояб. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.timeout.ru/journal/feature/15970/> (дата обращения: 26. 06. 2012).

Топоров В. «Как обмануть профессора?» // Частный корреспондент. 2010. 2 нояб. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/kak_obmanut_professora_20788 (дата обращения: 26. 06. 2012).

Угольников Ю. Литературная матрица // Октябрь. 2011. № 7. С. 165–171.